

СОВРЕМЕННАЯ АРМЯНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ДИСКУРСЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ И САМОВОСПРИЯТИЯ. *Резюме*

Юлия Антонян

«Интеллигенция» и родственные этому понятию термины все еще активно используются в разных сферах политической, культурной и повседневной жизни Армении. Однако они концептуализируются и интерпретируются в разных контекстах по-разному, хотя время от времени в публичном пространстве возникают дискурсы, призванные свести воедино все определения и интерпретации. Центром внимания в этих дискурсах являются модели самоидентификации и саморепрезентации армянской интеллигенции, которые касаются ее образа, персональных и функциональных характеристик, социального статуса и вписаны в контекст тех национальных дискурсивных полей, где термин «интеллигенция» наиболее инструментален.

В данной статье я попытаюсь описать и проанализировать основные дискурсивные модели самоидентификации и саморепрезентации армянской интеллигенции, а также понять, как посредством подобных дискурсов армянская интеллигенция определяет свою роль и место в процессе национального и государственного строительства.

Опираясь на несколько разных функциональных определений понятия «интеллигенция», я попробую описать ту группу людей, которая стала объектом исследования. Простейшим из всех является распространенное в советское время определение интеллигенции как социального слоя, зарабатывающего на жизнь интеллектуальным трудом. Его можно дополнить определением интеллигенции как «культурно гомогенного слоя образованных людей, объединенных харизматическими чувствами и определенной системой ценностей», данного Александром Гелла, и уточнением Карла Манхейма, который определяет интеллигенцию как группу людей со специфическим отношением к культуре. Эти определения помогают описать категорию моих потенциальных респондентов как образованных и воспитанных людей (или претендующих на звание образованных и воспитанных), занятых в сфере интеллектуального труда и добровольно и активно вовлеченных в дискурсы, касающиеся национальных, культурных, социальных и политических ценностей. Насколько эти люди сами идентифицируют себя как интеллигенция, почему относят себя к этой категории и как именно вписаны в нее – вопросы, на которые также должно ответить данное исследование.

Необходимо дать пояснения насчет особенностей терминологии, касающейся интеллигенции. В армянском языке слово «мтаворакан» обозначает одновременно и интеллигента, и интеллектуала – поэтому частью интеллигентского дискурса также являются дискуссии вокруг точного перевода этого слова на русский и европейские языки.

Исследовательскую часть работы отличает разнообразие методологии, примененной для сбора необходимого материала. Я начала с устных интервью и письменных опросов, затем дополнила их результатами групповых дискуссий в моем блоге и блогах других пользователей, относящихся к исследуемой группе. Кроме того, я использовала материалы аналогичных дискуссий в армяноязычных форумах и материалы армянских СМИ. Важную часть данных составляют собранные в течение полутора лет (2010–2012) образцы и контексты употребления слов «мтаворакан» и «интеллигенция» в повседневности.

В статье дается также небольшой очерк исторического развития интеллигентского дискурса в Армении, начиная с XIX века, когда этот термин стал активно использоваться в армянской публицистике. Основными темами этого дискурса в XIX веке являлись жертвенность и просветительская миссия армянской интеллигенции в контексте националистических движений этого периода. В советское время возникают три разных модели (само)идентификации интеллигенции: как работников интеллектуального труда, как интеллектуальной и «аристократической» по своему образу жизни элиты и как участников националистических и антисоветских «протестных» движений.

Современный дискурс выделяет целый ряд характеристик интеллигенции, по которым можно было бы определить эту группу. Их можно разделить на несколько подгрупп. Каждая из них будет отвечать тому или иному подходу к нашей проблеме. Первый подход основан на критерии профессиональной принадлежности, когда принадлежность человека к интеллигенции определяется сферой его занятости в той или иной профессии. Второй – «ценностный» – опирается на представление об определенных качествах личности, присущих интеллигенту: поведенческих эталонах, высоком уровне интеллектуального развития, моральных качествах и степени «аристократичности» в повседневной культуре. Особенно важно, что эти «ценностные» критерии связаны с вопросом об «истинности», «подлинности» той группы, которая считается или сама себя считает интеллигенцией, а также с представлением об «интеллигентности» как о качестве, которое передается по наследству.

Все определения в конечном счете могут рассматриваться как инструменты формирования социально-культурной идентичности людей, участвующих в дискурсе и заинтересованных в нем. Уже упомянутый фактор «подлинности» интеллигенции ставит вопрос о «чистоте» ее рядов, за которой следят те, кто считает себя представителями интеллигенции. С этим связан также феномен самоотрицания принадлежности к интеллигенции: индивид считает, что сам он не вправе причислять себя к интеллигенции, поскольку принадлежность к этой группе определяется признанием других. Михаил Лотман в эссе «Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса)» отмечает, что быть интеллигентом значит быть признанным таковым другими членами этой группы.

Другой вопрос, касающийся идентичности интеллигенции, – это вопрос о том, в какой степени интеллигенция должна сохранять в своем быту особенности этнической культуры. Здесь можно отметить две тенденции. Первая заключается в «интернациональности» повседневной культуры интеллигенции; другая, напротив, состоит в преднамеренном подчеркивании элементов этнической и национальной культуры. Несмотря на определенный «генетический» подход к толкованию «подлинной» интеллигенции, формирование идентичности рассматривается как конструктивный процесс, в котором интеллигентская идентичность может быть построена, усвоена, трансформирована либо заменена на какую-нибудь другую (что соответствует «мягкому» типу идентичности в терминологии Роджерса Брубейкера). С этим процессом связан феномен добровольного и сознательного отказа от того, чтобы считать себя интеллигентом. Причиной этого отказа является восприятие «интеллигентского звания» как наследия имперского времени или восприятие интеллигенции как деструктивного элемента социума.

В статье рассматривается культурный контекст ряда аспектов, играющих важную роль в формировании идентичности армянского интеллигента. Это, например, тема противопоставления интеллигенции «лавочникам» (в том числе сегодняшним власть имущим), то есть элиты «истинной» – элите «фальшивой». Этому противопоставлению находят параллели в особенностях социальной структуры армянского досоветского и советского общества.

Важным маркером идентичности интеллигенции является язык. Значительная часть армянской интеллигенции как в советский, так и в дореволюционный период была русскоязычной по образованию, языку самовыражения, а часто и в быту. Русский воспринимался как элитарный язык, посредством которого интеллигенция усваивала большую часть всемирного культурного наследия. Более того, армянское литературное, историческое и художественное наследие также частично усваивалось в переводе на русский. Это, в свою очередь, способствовало формированию такого феномена, как «русскоязычный национализм». В постсоветское время социальная и культурная роль русского языка значительно уменьшилась, хотя до сих пор русский входит в число приоритетных для изучения иностранных языков. Более того, многие представители русскоязычной интеллигенции увязывают снижение культурного уровня и расхожую мифологию о «смерти интеллигенции» именно с исчезновением русского языка как языка армянской интеллектуальной сферы. Другой «лингвистический» аспект, участвующий в формировании интеллигентской идентичности, связан с дискурсом об определении литературной нормы восточноармянского языка, поскольку именно эта форма языка считается единственно подходящей «истинной» интеллигенции.

Что касается такого маркера идентичности, как религия, то надо отметить, что в случае армянской интеллигенции он проявляется двояко: с одной стороны, в армянском религиозном национализме, с другой – в парадоксально сопряженной с ним секулярности армянской интеллигенции. В отличие от русской интеллигенции, армянской никогда не были присущи поиски Бога, метания от крайней религиозности к полному атеизму. Однако Армянская апостольская церковь как инструмент национальной и этнической идентичности, как национальный и

общинный представительский институт (чья деятельность особенно важна для диаспоры) всегда воспринималась как ориентир и хранительница национальных ценностей для интеллигенции. Тем не менее, в период после обретения независимости стремление Армянской апостольской церкви вновь утвердиться в качестве государственного идеологического института вызвало появление антиклерикального дискурса именно в среде интеллигенции. Это было связано с попыткой церкви заменить секулярные ценности на религиозные (примером этого может быть строительство церковей вместо и на месте зданий, считающихся архитектурными памятниками советского периода, придание религиозного содержания секулярному по сути предмету «История Армянской апостольской церкви» в программе средней школы).

Одной из распространенных дискурсивных тем, формирующих образ и социальную роль армянской интеллигенции, является миссионерская функция и виктимизация армянской интеллигенции через темы геноцида армян в Османской империи (1915–1921), сталинских чисток 1930-х годов и, наконец, Карабахской войны 1991–1994 годов. Миссионерский образ армянского интеллигента, обязанного идти «в народ», просвещать и обучать его, актуальный в XIX веке, неожиданно нашел свои параллели в современной Армении, когда десятки представителей интеллигенции устремились в послевоенный Карабах.

Тема жертвенности интеллигенции имеет развитие в дискурсе о ее смерти. У этого дискурса есть две разновидности – дискурс о физической смерти интеллигенции в результате физического уничтожения или эмиграции ее представителей и дискурс о смерти социальной (как класса, как продукта имперской и советской колониальных систем, который изжил себя и обречен на вымирание в современных условиях). Показателен заголовок одной из интернет-публикаций на эту тему – «Умирающий класс умирающей империи».

Тема истинности и ложности интеллигенции, ее социальной роли и места в современном обществе связана с важными экзистенциальными и аксиологическими проблемами, коренящимися в изменениях модернизируемого и глобализируемого общества. С этим связан и ряд стереотипных представлений о советской интеллигенции, согласно которым изменение ее статуса и общественной ценности вызвано трансформацией прежней системы ценностей, причем оценка этой трансформации различна. Часть участников дискурса рассматривает эту утрату как необходимое избавление от имперского, колониального наследия, а часть, напротив, – как утрату важных ценностных ориентиров и деградацию общества. Не желая быть частью деградировавшей со всем обществом в целом, по их мнению, интеллигенции, ряд участников дискурса в качестве протеста против существующей системы добровольно отказывается от того, чтобы причислять себя к интеллигенции, хотя и продолжает активно использовать ее знаковый, функциональный и дискурсивный потенциал.

Общий анализ дискурса армянской интеллигенции показывает, что нынешний поиск идентичности вписан в четыре цивилизационные парадигмы: имперскую, националистическую, модернистско-социалистическую и постмодернистско-капиталистическую, каждая из которых предлагает специфическое мировоззре-

ние, систему ценностей и культурные перцепции, важные для определения места, роли и функции интеллигенции в изменяющемся мире. Благодаря этому интеллигенция существует в виде разных вариантов одного социального и культурного конструкта, требующего постоянного уточнения и осмысления. Таким образом, этот постоянный дискурс об идентификации, репрезентации, формах культурного проявления, функциях и социальных ролях может быть рассмотрен как постоянный процесс уточнения границ между новыми и старыми идентичностями, социальными структурами и иерархиями в модернизирующемся и глобализирующемся армянском обществе.

В моем понимании создание и поддержание описанных дискурсивных полей облегчает процессы аккумуляции, концептуализации и моделирования идей, которые используются для конструирования национальной культуры, памяти, истории и идеологии, что в итоге ведет к изменению культурных, социальных и политических рамок, в которых протекает процесс строительства нации и государства.